Сельский ландшафт как инфраструктура: увидеть невидимое

Рецензия на книги: Vickery M. B. (2020). Landscape and Infrastructure: Reimagining the Pastoral Paradigm for the Twenty-First Century. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Visual Arts.

Mathews A. S. (2022). Trees Are Shape Shifters: How Cultivation, Climate Change, and Disaster Create Landscapes. London, New Haven: Yale University Press.

Ф. С. Корандей

Федор Сергеевич Корандей, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра урбанистики, Тюменский государственный университет. 625003 Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

EDN VSHCUP

Трансформации, которые происходят в сельском ландшафте, такие как депопуляция и сжатие обрабатываемых земель в одних районах, превращение других в районы интенсивного агропромышленного производства, формирование новых типов ландшафта, населения, природно-антропогенных явлений[1], заставляют задуматься о связи ландшафта с инфраструктурой. Восприятие нашими информантами лесных пожаров начала 2020-х годов, которое мы фиксировали в сельских районах Тюменской области, очень напоминало восприятие местными жителями пожаров 2010-х годов в итальянской Тоскане, описанное антропологом Эндрю Мэтьюзом, о книге которого речь пойдет ниже. «Что-то пошло не так, раньше такого не было, кто-то (обычно производящее реформы государство) виноват, нужно что-то с этим делать!» — помимо всего прочего, такие комментарии — свидетельство восприятия местными жителями ландшафта как производящей аграрной инфраструктуры.

Широко цитируемое в англоязычной литературе место из антропологического определения инфраструктуры, данное Сьюзен Ли Стар в 1999 году, гласит: «[Инфраструктура] становится види-

1. *Нефедова Т. Г.* (2017). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS; *Каганский В. Л.* (2021). Научное плодородие русской саванны // География и туризм. Т. 2. № 8. С. 5–9; Вдали от шума городского (2022): антропологи о сельской жизни в России / Отв. ред. О. Ю. Артемова. М., СПб. Нестор-История.

мой после того, как она сломалась»[2]. Не все из антропологов с этим согласны, инфраструктурные проекты — излюбленное риторическое орудие власти, позволяющее убеждать аудиторию в верности проводимой политики, и потому они иногда, наоборот, выводятся на передний план. Брайан Ларкин, отсылая читателя к литературоведческой концепции Романа Якобсона, называл любимое политиками свойство инфраструктурных объектов производить на людей сильнейшее впечатление, не связанное с их непосредственным функциональным назначением, «поэтикой инфраструктуры»[3]. Советский проект, создавший литературную инфраструктуру для того, чтобы систематически прославлять инфраструктуру промышленную, эту мысль подтверждает[4]. Все же в массе своей, конечно, как технические системы, обеспечивающие функционирование разных форм повседневной жизни и экономики, инфраструктуры стремятся к малозаметности. Как писал Пьер Беранже, мы видим инфраструктурные системы редко, лишь мельком, проезжая или пролетая мимо, и не замечаем их, пока они не выйдут из строя[5].

Но как исторически связаны вездесущая инфраструктура и ландшафт, который наш современник, как правило, склонен трактовать как природный, даже если видит перед собой поля, непрерывно обрабатывавшиеся крестьянами на протяжении пары тысяч лет? Всегда ли инфраструктура, в том числе аграрная, пряталась от взгляда? Как научиться видеть скрывавшуюся в ландшафте инфраструктуру, как историческую, так и современную? Вообще, разные ли это вещи — ландшафт и инфраструктура, может быть, иногда их стоит отождествлять? Можно ли вернуть инфраструктуре утраченное ею место в ландшафте? Обо всем этом позволяют задуматься книги, о которых хотелось бы сказать несколько слов ниже.

Первая из них называется «Ландшафт и инфраструктура: переосмысление пасторальной парадигмы в XXI веке» и была написана Маргарет Бирни Викери, историком архитектуры, работающей в Массачусетском университете (Амхерст). Первая часть посвящена ответу на вопрос, как, когда и почему инфраструктура перестала быть видимой, вокруг этого объяснения развивается понятийный аппарат ее монографии, составленной на материа-

2. *Star S. L.* (1999). The ethnography of infrastructure // American Behavioral Scientist. Vol. 43. P. 382. См. об этом: *Карасева А.* (2018). Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. № 38. С. 122–146.
3. *Larkin B.* (2013). The politics and poetics of infrastructure // Annual Review of Anthropology. Vol. 42. P. 327–343, особенно P. 336.
4. *Корандей Ф. С.* (2021). Репрезентационная инфраструктура позднесоветского бустеризма: Урал и Западная Сибирь // Уральский исторический вестник. № 4(73). С. 115–124.
5. *Bélanger P.* (2016). Is landscape infrastructure? (2016) // Is Landscape ...? Essays on the Identity of Landscape / Ed. by G. Doherty and Ch. Waldheim. London, New York: Routledge. P. 196.

ле произведений фигуративного искусства, прежде всего живописи и архитектуры.

Центральный термин книги — «производящая пасторальная традиция» (productive pastoral tradition). По мнению Викери, в домодерный период (до наступления Нового времени) аграрные производственные системы были ключевыми элементами пасторальной эстетики, строившейся на гармоничном балансе между природным и экономическим, идеале «пасторальной золотой середины» (pastoral middle ground), включавшем в себя богатство, гражданскую гордость и природу. Обращаясь к поэмам Вергилия, часослову герцога Беррийского, голландской и английской пейзажной живописи XVII–XVIII веков, Викери утверждает, что заказчики этого искусства, элиты, до XVIII века непосредственно зависевшие в экономическом плане от сельского хозяйства, гордились заметными в ландшафте аграрными пространственными инфраструктурами и воспринимали их как обобщенный символ прогресса общества (p. 7, гл. 1–2). Примерами инфраструктурных объектов, которые приобрели впоследствии характер национальных символов, являются ветряные мельницы голландских пейзажей и загородные поместья, изображавшиеся английскими художниками времен Ганноверской династии. Однако с началом промышленной революции, в XIX и особенно в XX веке пасторальная идиллия отрывается от производящей экономики посредством инфраструктурного апартеида (infrastructural apartheid) (p. 7), противопоставляющего прогресс природе. Пастораль, уже не производящая, а рекреационная, становится ландшафтом респектабельных пригородов и университетов, где обитают элиты, основой городских и национальных парков, а инфраструктура уходит в тень, на периферию ландшафта (гл. 3–5).

По мнению Викери, в домодерный период (до наступления Нового времени) аграрные производственные системы были ключевыми элементами строившейся на гармоничном балансе между природным и экономическим пасторальной эстетики, для которой был характерен идеал «пасторальной золотой середины» (pastoral middle ground), включавший в себя богатство, гражданскую гордость и природу. Портреты овец (portraits of sheep) и образцы их шерсти были размещены в специально спроектированной кирпичной овчарне для того, чтобы любопытствующие горожане могли на них посмотреть (овцы сохранялись в ландшафте Центрального парка до 1930-х годов, пока Роберт Мозес не переместил их в другое место) (p. 94–95).

То, что происходит с сельскими ландшафтами после того, как пасторальная эстетика оторвалась от производящего хозяйства, а ландшафт от инфраструктуры, исследовал на материале современной сельской Италии Эндрю Мэтьюз, антрополог из Калифорнийского университета в Санта-Круз, автор второй рассматриваемой здесь книги «Многоликие деревья: как сельское хозяйство,

климатические изменения и катастрофы формируют ландшафт». Полем Мэтьюза, работавшего в Италии в 2013–2016 годах, были аграрные и лесные ландшафты горного массива Монте-Пизано, расположенного в Тоскане, между городами Лукка и Пиза. Склоны гор в этом районе, покрытые рощами издавна культивировавшегося здесь каштана и соснами, высаженными в XX веке в лесовосстановительных целях, хранят следы многовековой крестьянской инженерии — террасы и дренажные системы, представляющие собой коллективный проект по переделке ландшафта в инфраструктуру (remaking the landscape as an infrastructure) (p. 33). До известной степени это именно те ландшафты, о которых пишет Викери, — порождение производящей домодерной пасторали, во второй половине XX и начале XXI века переживающие депопуляцию и упадок агропромышленного производства. С другой стороны, Мэтьюз опирается в своих выводах не на старинные картины, написанные по заказу представителей привилегированных классов, но на многочасовые прогулки по самому ландшафту в его современном виде, общение с теми, кто до сих пор живет и работает на склонах Монте-Пизано, на включенное наблюдение за практиками возделывания деревьев, при этом проявляя живейший интерес к истории этого ландшафта и разнообразию точек зрения на него, артикулируемых его собеседниками.

Как и многие другие абстрактные идеи, опускаясь «на землю», идея о том, что производящая сельская инфраструктура, когда-то воспринимавшаяся как социальный идеал, а ныне исчезнувшая из ландшафта, начинает усложняться. Во-первых, не факт, что в домодерный период представители элит, да и вообще кто-то, не вовлеченный непосредственно в крестьянский труд, были способны понять, а тем более описать или изобразить в сколь-нибудь развернутом виде сельскохозяйственный ландшафт Монте-Пизано. Мэтьюз пишет, что даже наиболее бросающийся в глаза ландшафтный элемент здешней агрикультуры — системы террас, восходящие к древнеримской эпохе, оставались незамеченными образованными людьми до XVI века, а первые систематические их описания относятся как раз к временам, когда производящая инфраструктура оторвалась от ландшафта, к последней четверти XIX века (p. 33–34). Во-вторых, даже сейчас сельская инфраструктура Монте-Пизано, пусть и воспринимающаяся многими из собеседников Мэтьюза как «поломавшаяся» вследствие послевоенной депопуляции сельской местности, индустриализации и урбанизации (p. 73, 86–87, 89, 91 и т.д.), продолжает существовать, но отнюдь не открыта по умолчанию всем и каждому, и требует для своего понимания существенных усилий.

Из этого последнего факта и вырастает базовый, то есть фактически стоящий в самом начале полевых наблюдений, связанный с непосредственной феноменологической встречей с реальностью сельского ландшафта метод антропологической работы Мэтьюза,

делающий его книгу столь интересной для исследователя ландшафтов. Автор называет его морфологией растений (p. 7, 9), но это не та морфология, которой занимаются ботаники, не естественнонаучное, но социально-историческое строение растений, связь их формы с породившими ее социально-экономическими процессами. Мэтьюз, и в этом ему, с одной стороны, помогает имеющееся у него собственное лесоведческое образование, а с другой — антропологический интерес к людям и способность получать от них новое знание, посвящает первые главы книги анализу пней и стволов каштановых деревьев. Этот анализ демонстрируется с ловкостью сочинителя детективного романа: «В форме растения записаны биографии его встреч. Люди, пожары, заболевания, погода, почвы, растения и животные, кто угодно может оставить следы в морфологии растения» (p. 9). Особый интерес представляет иллюстративный ряд этой части книги, состоящий из рядов фотографий, демонстрирующих ландшафт в его обычной визуальной сложности, и их прорисовок, фокусирующих внимание читателя на важных для понимания аграрной инфраструктуры деталях.

Вглядываясь в раздвоенные стволы и следы прививок, а также вытягивая из своих собеседников технические подробности, обычно не выходящие за пределы прагматического садоводческого контекста, автор учит читателя видеть в деревьях их историю и историю формируемого ими ландшафта. Повествование развивается в логике обратного зума. Рассказав истории, которые открывает изучение шрамов на древнем каштановом пне (гл. 1), автор движется к историям сформированных этими деревьями структур ландшафта (гл. 2), а затем к историям конкретных групп людей, этот ландшафт населяющих и репрезентирующих, — местным жителям, занимающимся сельским хозяйством, тушением лесных пожаров, охраной и заготовкой леса (гл. 3–4), обсуждающим новости об участившихся природных катаклизмах (гл. 5), собирающим в бывших аристократических парках местные атмосферные данные для их интеграции в глобальные климатические модели (гл. 6), пытающимся запустить электростанцию, работающую на щепе деревьев, спиленных в Монте-Пизано, и протестующим против этого намерения (гл. 7).

«[Инфраструктура] становится видимой после того, как она сломалась». Мэтьюз много берет от этой идеи, сосредотачивая основное внимание на тех моментах, когда функционирование ландшафтной инфраструктуры, незаметно работающей на заднем плане повседневной жизни, прерывается катастрофами, обнажающими конфликты и противоречия (p. 127). Пасторальные овцы, которых мы уже упоминали выше, появляются на страницах его книги, когда он описывает сложный клубок событий, породивших лесные пожары в Тоскане. Выступая против упрощенной каузации, к которой тяготеет современная политика, объявляющая причиной множества природно-антропогенных явлений изменения климата, Мэтьюз рассказывает в третьей главе своей книги, что для

того, чтобы эти изменения вызвали лесные пожары в конкретном ландшафте Монте-Пизано, потребовалось две вызванных процессами переноса культур из Азии в Европу эпидемии каштановых плантаций (в середине XIX и в середине XX века), за которыми последовала вырубка каштановых рощ и замена их сосной; сельская депопуляция, вызванная индустриализацией и урбанизацией региона, а значит — утрата традиционных практик ухода за территорией. Только когда люди фактически ушли из созданного ими тысячу лет назад сельскохозяйственного ландшафта, перестали использовать срезанные побеги и ветви каштана в качестве топлива при сушке каштанов в особых сараях, собирать листву на удобрения и разводить овец, которые бродят повсюду и едят сухую травку, повышение средних температур атмосферы смогло сыграть свою негативную роль.

Роль антрополога в реконструкции этой непростой системы конкретных причинно-следственных связей ключевая. Даже когда речь идет об эпидемии, уничтожившей в ландшафте целый вид широко распространенного там когда-то дерева, она может быть совершенно стерта из памяти старожилов, хорошо знающих местность (p. 77–78). При взгляде «из ландшафта» каждая деталь противится упрощению. «Встречая новую сосну, я каждый раз спрашиваю себя, похожа ли она на предыдущие, или это что-то новенькое» (p. 159–160). Особенно важна для Мэтьюза его роль как переводчика, осуществляющего медиацию между действующими силами, населяющими ландшафт, как природными (не-человеческими), так и социальными. В этом смысле главной темой книги оказывается проблема восприятия людьми, которых автор встречал на Монте-Пизано, актуального нарратива климатических изменений.

Мэтьюз не раз замечает, что его информанты, при всем их разнообразии и вовлеченности в процессы, происходящие в конкретном ландшафте, с присущими для него перепадами температур и лесными пожарами, мало что могли сказать об изменениях климата (p. 142, 197). Это не значит, утверждает автор, что его собеседники в массе своей не были обеспокоены этой хорошо известной темой или активно выступали против нее. Дело в другом — нарратив о климатических изменениях, восходящий к построенной на усредненных многолетних данных научной модели, ставшей важнейшим элементом политики на уровне глобальных медиа и международных отношений, неадекватен языку повседневных коммуникаций между обычными людьми, живущими в конкретном ландшафте. Люди в ландшафте предпочитают связывать возникающие лесные пожары с тем, на что (потенциально) могут повлиять — некомпетентностью чиновников, преступными действиями бизнесменов, уходом из ландшафта крестьян и государства и т.д. (p. 75–76). Описанные в седьмой главе книги Мэтьюза протесты итальянцев против развития в регионе биотопливной энергетики — следствие той же самой проблемы. Спустившийся в итальянскую экономику в резуль-

тате заключения международных соглашений, предполагающих переход мировой экономики на возобновляемое топливо, глобальный императив о строительстве электростанций на биомассе столкнулся в конкретном ландшафте Монте-Пизано с массой местных подробностей, которых он не учитывает, — экологически доступная биомасса (в данном контексте — древесная щепа) оказывается в дефиците, люди небезосновательно подозревают вовлеченных в криминальные связи бизнесменов и т. д. (p. 186, 189). Глобальное представление о климате, пишет Мэтьюз, не смогло убедить обычных жителей в необходимости развития в регионе производства электроэнергии из биомассы, ведь для них перевод местных деревьев на щепу был связан не столько с этой антиутопической научной концепцией, описывающей проблемы мирового масштаба, сколько с местной историей сельской депопуляции и лесов, которые выросли на месте исчезнувших каштановых рощ (p. 221). Нарратив об изменениях климата, оперирующий упрощенной статистической моделью всего мира, не описывает многообразия проблем, которые волнуют людей в связи с трансформациями окружающей их конкретной среды. Это не значит, что обычные люди, живущие своим маленьким мирком, всегда правы, и их мнения по поводу того, как жить дальше, более обоснованны, чем опасения климатологов или политиков, принимающих определенные решения, заключает Мэтьюз, но антрополог — это именно тот специалист, который способен обнаружить и показать скрытые противоречия, возникающие в процессе работы по переводу этих важных идей между чиновниками, учеными и обычными людьми (p. 175–176).

Глобальный нарратив об изменениях климата выходит на авансцену и во второй части книги Викери, посвященной современной архитектуре, авторы которой пытаются вернуть инфраструктурным сооружениям место в ландшафте и активно экспериментируют с элементами старинной пасторальной традиции, чтобы снова сделать пасторальные ландшафты производящими. Описывая красивые новые электростанции, водоочистительные сооружения и предприятия пищевой промышленности, Викери, на мой взгляд, не демонстрирует такой критической глубины, как предыдущий автор. По мнению Викери, как и цитируемых ей архитекторов, пасторальная эстетика этих инфраструктурных сооружений, строящихся в богатейших городах «золотого миллиарда», является способом привлечь внимание людей к экологическому качеству ландшафта и научить их ответственности перед природой (p. 182). Действительно, многие из них сочетают открыточную «ландшафтность» расположения с открытостью для посторонних посетителей, которые могут увидеть своими глазами поданные в эстетически привлекательном ключе процессы очистки воды или сжигания топлива. Но за счет чего работает этот edutainment? Как связаны «серьезные» нарративы об изменениях климата и экологической устойчивости с рекреационной функцией новой «пасторальной»

инфраструктуры, которую можно возвести к паркам XIX века, показывавшим праздным горожанам овец в качестве диковинки? Для какой аудитории, вспомним упомянутый в начале тезис о «поэтике инфраструктуры», строятся эти «яркие» инфраструктурные объекты? Викери упоминает в этой связи «хорошо образованную и информированную публику», способную понять, какое влияние окажет внедрение такой передовой инфраструктуры на экологическое здоровье общества (p. 182–183). Наконец, насколько релевантны эти штучные «продвинутые» проекты из богатейших стран контексту массы других инфраструктурных объектов, расположенных за их пределами? На эти вопросы Викери не дает ответа, просто каталогизируя похожие по концепции архитектурные проекты. Завод по производству биомассы в Копенгагене (p. 143–144) описан Викери далеко не с такой критической проницательностью, как биотопливная электростанция в Баньи-ди-Лукка, описанная Мэтьюзом.

Rural landscape as infrastructure: To see the invisible

Review of the books: Vickery M. B. (2020) Landscape and Infrastructure: Reimagining the Pastoral Paradigm for the Twenty-First Century, London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Visual Arts; Mathews A. S. (2022) Trees Are Shape Shifters: How Cultivation, Climate Change, and Disaster Create Landscapes, London; New Haven: Yale University Press.

Fedor S. Korandei, PhD (History), Senior Researcher, Center for Urban Studies, Tyumen State University. Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003, Russia.
E-mail: f.s.korandej@utmn.ru